

Омар Гаряев

Душечка

Омар Гаряев

Душечка

«Издательские решения»

Гаряев О. М.

Душечка / О. М. Гаряев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936052-6

Действие происходит в Российской империи в первой половине XIX века. В губернском городе живёт семья бургомистра. Все бы ничего, но только супруги не любят друг друга. Но тут появляется молодая девушка из деревни прислуживать хозяйке дома...

ISBN 978-5-44-936052-6

© Гаряев О. М.
© Издательские решения

Содержание

Душечка	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Душечка

Омар Махсотович Гаряев

© Омар Махсотович Гаряев, 2019

ISBN 978-5-4493-6052-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Душечка

Глава I

Вышло так, что его Превосходительство бургомистр* Канарейкин Иван Ильич сегодня «встал не с той ноги». Проснулся он как всегда, под бой старинных настенных часов, которые ещё его матушка, в девичестве Антипова Прасковья Ильинишна купила в столице и привезла сюда, в город N...ск, выйдя замуж за купца 1-ой гильдии Канарейкина Илью Степановича. Часы эти были памятью о покойной матушке, которую он чтит и любил, поэтому их не снимал, несмотря на ужасный громкий бой, которым сопровождался каждый наступивший час их бытия. Сон его Превосходительства был накрепчайший и сопровождался не менее громогласным храпом, так что его супруга, Мария Дмитриевна Турбина, дочь статского советника, а ныне госпожа Канарейкина, спала отдельно, к тайной радости обоих супругов.

Итак, часы пробили восемь утра и Его Превосходительство вздрогнул. Дело в том, что ему приснился милейший сон, в котором он, отрок пятнадцати лет, занимался любовью с Анфисочкой, половой девкой восемнадцати лет, взятой Марией Дмитриевной из деревни в услужение. Это была конопатая, грудастая девица в самом расцвете своей молодости, с круглым, по-русски безмятежным лицом с подчёркнуто неряшливо выбивающимися прядями прямых волос из-под белого платка, большой русой косой, и цветастом сарафане. Она мыла и тёрла, босоногая с розовыми пятками и белыми лодыжками деревянные полы на кухне, сенях и спальнях супругов, да проку порой было мало, за что ей доставалось от степенной и строгой дочери статского советника, привыкшей к чистоте и порядку. Однако хозяйка была отходчивой и, сделав разнос за не на место поставленный столовый сервиз, тут же напрочь забывала о ней, увлечённая своими потаёнными мыслями.

Кроме неё, в доме проживал истопник, по совместительству кучер и конюх Фёдор, – мужик пятидесяти трёх лет, бородастый и вечно лохматый, за что был нелюбим хозяйкой. В противоположность ей Иван Ильич, хорошо зная эту нелюбовь супруги к Фёдору, относился к нему благосклонно и прощал эти огрехи его внешности.

Мы можем с уверенностью сказать, что супружеская чета Канарейкиных была образцовым семейством с безупречной репутацией в городе, и не было ни малейшего намека на то, что могло опорочить эту репутацию. Семья имела выезд – собственный дилижанс*, запряженный парой орловских рысаков. Они посещали местный театр и, хотя оперы в их городке не было, Мария Дмитриевна была большой поклонницей этого искусства, и время от времени устраивала в своем доме приемы, куда приглашала почитателей своего таланта, как она считала. В девичестве, закончив Московскую консерваторию с отличием, она, безусловно, хорошо пела и ещё лучше музицировала и тешила тайные надежды заняться сольной карьерой оперной певицы. Однако по достижении 21 года дочь статского советника была выдана замуж и безропотно носила теперь провинциальную жизнь замужней дамы, отдавая свой талант узкому кругу тайных воздыхателей.

На эти вечера неизменно приходили пять или шесть человек, исключительно мужчины, являющиеся по словам хозяйки «местными дарованиями в поэзии, искусстве и литературе в частности». Это были сливки местного артистического и литературного общества, среди которых выделялся тщедушный молодой человек двадцати шести лет, subtilной наружности с тонкими и бледными чертами лица, тонкими усиками и мечтательно-грустными карими глазами. Осип Еремеич, так его звали, был завсегдаем её салона, который Марья Дмитриевна завела на манер парижской моды по вечерам каждой субботы, чтобы разогнать тоску провинциальной жизни неудавшейся примы. Она заблаговременно рассылала приглашения почи-

таталям своего таланта и неизменно в ответ получала от них восторженные отзывы и букет цветов. Посему в воскресенье она вставала поздно, никак не ранее одиннадцати, и, приведя себя в порядок, в прекрасном настроении встречала Ивана Ильича, который в это время садился за обеденный стол. Видя по настроению супруги, что вчерашний вечер удался, Его Превосходительство благодушно улыбался и давал поцеловать себя в щёчку, весьма при этом польщённый. Он уважал свою ненаглядную «душечку», всячески стараясь ей угодить. В ответ он получал нежные поцелуи за завтраком и даже позволял ей маленькую шалость называть его на французский манер «мой котик» и при этом дать потрепать себя за бакенбарды. Он давно понял, что лучше позволять жене делать всё, что ей заблагорассудится, чем слыть «домашним тираном и узурпатором».

Осип Еремеич, один из всей компании не принадлежал ни к литературным, ни к художественным кругам N...ска, ни к какой – либо иной сфере искусства. Он был мелким клерком городской управы, где служил её муж и однажды, зайдя туда по какой-то надобности, она увидела молодого человека за конторкой своего письменного стола. Сердце достопочтенной дамы ёкнуло, их взгляды встретились, и молодой человек в тот же вечер получил приглашение посетить её салон в субботу в девятнадцать часов. С этого памятного дня скромный служащий городской управы превратился в избранного – господина Сусайкина, так велела его величать кучеру Фёдору, который встречал гостей, и бывало, что тот развозил по домам далеко за полночь изрядно подгулявших господ.

Сослуживцы Сусайкина втайне ему завидовали, а начальство стало с почтением относиться к выросшему в их глазах служаке. Марью Дмитриевну умиляли его грустные глаза и на вопрос мужа, что она нашла в «заморыше», супруга безапелляционно заявила: «Французский тип», – и дальше шла тирада на чистейшем французском, означающая «Милашка, которого бы я зацеловала до смерти, не будь замужней и приличной светской дамой». Муж её был слаб во французском, как и в немецком, которым его сызмальства учили, посему её тарабарщину пропустил мимо ушей, отнеся каприз супруги к её легковоспламеняющейся чувственности характера, от которого можно было ждать чего-угодно, – от раздражительности до холодной оскорблённой сдержанности, чего он терпеть не мог.

Иван Ильич отличался незлобивостью характера и позволял жене проявлять свою тягу к прекрасному, лишь бы были соблюдены все приличия. Словом, муж её закрывал глаза на прихоти супруги, на что Марья Дмитриевна отвечала взаимной лаской и неизменной фразой на французском по утрам: «Ну как, мой котик спал сегодня?» – на что её супруг, пребывая в хорошем настроении мурлыкал, словно большой кот, чем неизменно вызывал звонкий смех дражайшей супруги и хихиканье челяди на кухне. «Баре сегодня в настроении», – витало в доме и всем становилось легко и весело.

Но не в это утро. Бой часов разбудил градоначальника в тот момент, когда он, будучи отроком, исполнил свое давнее желание: ухватить Анфиску за то самое место, о котором умалчивает уважающий себя мужчина. Словно наяву, он ухватился за её упругие молодые прелести в сенях, где впопыхах очутился пятнадцатилетним барчуком. Она мыла дощатый пол, подоткнув подол юбки и обнажив белые ляжки. В этот момент его разбудил бой часов покойной матушки и вне себя от досады он чертыхнулся. Открыв сначала один глаз, потом второй, с сожалением посмотрел на часы и, будучи верующим, но не часто посещающим церковь, перекрестился на всякий случай.

Словно предчувствуя грозу, Глашенька, молодая кухарка двадцати трёх лет в это утро была тиха и молчалива. Это была высокая девица с ямочками на щеках и смеющимися глазами. За ней ухаживал парень из слободы, который каждое утро привозил молоко, овощи и зелень к столу и она часто о чем-то шепталась на кухне с Анфиской, порой прыскавая в ладошку. Анфиса в противоположность ей была мечтательно-задумчивого склада, за что не раз попа-

дало от хозяйки. Марья Дмитриевна терпеть не любила «зазевавшуюся растрепуху», но будучи отходчивой, терпела и не выгоняла, ограничиваясь строгими окриками:

– Анфиска, снова воробьёв считаешь? Я тебе когда сказала бельё принести из прачечной?

Анфиса девка* была честная и врать не умела, поэтому признавалась сразу:

– Ой, Марья Дмитриевна, забыла, ей-богу, не ругайте, щас сбегая!

Потом это повторялось через неделю, снова и снова, и все уже привыкли к Анфиске, к её отрешённости и созерцательности характера.

– Анфис, а Анфис, ты что такая? – как-то спросила её дворовая девка, жившая по соседству в доме главного казначея и посланная за надобностью к ним.

– Ничё, у неё жених есть, – выручила на сей раз её Глашенька.

Так что девушки стали не разлей вода и делились всем, что было у них припрятано.

Но в это утро Глафирья словно барометр, стрелка которого упала вниз, молча вскипятила самовар, заварила чай, и стала дожидаться хозяина.

На этот раз Иван Ильич опоздал ровно на четыре минуты, что было первый раз на её памяти. Его нахмуренный вид не предвещал ничего хорошего и Глашенька, торопливо подав завтрак, юркнула к себе. Минуты проходили в тягостном ожидании, и в это время что-то стукнуло по полу.

– Глафирья! – рыкнул зычным басом господин градоначальник.

У Глашеньки от страха будто отнялись ноги.

– Да где же эта несносная девка! – пробурчал Иван Ильич, ещё более раздражаясь.

Глашенька буквально онемела от ужаса.

– Анфиска! – в ответ тишина.

Дело в том, что предмет тайных вожелений господина градоначальника в этот самый момент была... в уборной.

– Да где ж все!

На Глашеньку напал такой ступор, что она была ни жива, ни мертва.

Хозяин дома тем временем, похоже, справился с завтраком, и пора было подавать чай.

– Глафирья! Мать твою растак! – наконец не выдержал хозяин и расчехвостил кухарку.

Как ни странно, бранные слова вывели девушку из столбняка и она, поняв, что от неё требуется, налила чай из самовара и понесла его к столу.

– Ах вот ты где! Где ж тебя носило? Совсем от рук отбились! Где Анфиска?

Опустив глаза в пол, Глашенька пролепетала: «Не знаю, батюшка».

– Не знаю, не знаю. Что вы знаете. Ступай. Пстой. Сахару принеси».

– Да, батюшка.

Эти слова утихомирили душу градоначальника и, вздохнув, он налил чай в блюдце и стал рассматривать край скатерти, о чём-то думая.

Из задумчивости его вывела Глашенька, с сахарницей в руке; она подошла к столу неслышной поступью и, затаив дыхание, поставила её перед хозяином. В нерешительности она задержалась у стола.

Иван Ильич взял кусок сахара, обмакнул его в чай, откусил и хлебнул из блюдца.

– Марья Дмитриевна встала уже?

– Почивает ешо, батюшка.

Иван Ильич снова вздохнул, о чём-то думая. Его мысли, казалось, были настолько весомыми, что Глашенька буквально чувствовала их тяжесть и оттого сильно робела.

– Ну что стоишь, ступай.

Кухарка быстро шмыгнула к себе.

Выпив чаю, Его Превосходительство встал из-за стола, ещё раз окинул взглядом столовую и направился к себе. Пора было ехать на службу.

Кучер Фёдор подал дилижанс к крыльцу господского двухэтажного белого особняка ровно к 8:40 и сидел на облучке, смиренно дожидаясь градоначальника. Кроме него больше никого не было из слуг, хотя по распорядку в доме обычно заводили слугу, который садился на задок. Но Иван Ильич этих старых дворянских порядков чурался, предпочитая обходиться самостоятельно.

Это был старый вояка, прошедший в молодости Отечественную войну и записавшийся в добровольческий полк, набравшийся в ту пору из лиц как дворянских, так и иных сословий. Не достигши восемнадцати лет и, невзирая на протесты маменьки, ушёл «защищать Отчизну от супостата», как говаривал он. Вернувшись с войны в чине сержанта в 14-ом году, и получив награды* за участие в ней, он стал ценить мирную жизнь и когда тятенька сосватал ему дочь статского советника Марью Дмитриевну, Иван Ильич безропотно согласился. Однако дело не дошло до женитьбы. Отец невесты не хотел выдавать дочь просто за героя Отечественной войны. Непременным условием замужества было получение зятем образования, ибо ему прочили государственную службу. «Царю и России послужил на войне, теперь послужишь на гражданской службе. Только вначале поучись. Неучи нам не нужны», – таков был вердикт папеньки невесты, и молодой человек был отправлен в столичный университет по рекомендации будущего тестя. Будучи усердным в учении, как и в бою, Иван Ильич «грыз» науки, дабы не посрамить род свой. Отец ему так и сказал: «Сын мой! Род наш всегда трудом был славен. Учись прилежно и воздастся тебе за труды. Не посрами отца своего». Закончив столичный университет, он вернулся домой в N... ск, где его ждала невеста. Женившись, он устроился на службу в Городскую Управу и, сделав карьеру за многолетнюю и безупречную службу, стал бургомистром.

Так вот, карета стояла запряжённая, а Иван Ильич запаздывал. Лошади нетерпеливо грызли уздцы, а Фёдор терпеливо ждал. Особняк находился на тихой улице в десяти минутах езды от Управы и в это утро редкий экипаж проносился мимо, стуча колёсами по неровностям дороги. Воробьи чирикали и купались в придорожной пыли, а облезлая кошка смотрела на них, пытаясь подобраться ближе. Иван Ильич надел мундир и вышел из спальни.

– Глафира!

– Ась, батюшка?

– Скажи Анфиске, пусть приберётся у меня. Где она?

– Здесь батюшка.

Анфиса со смущённым видом вышла из каморки, предназначенной для прислуги.

– Где ж ты пропадала поутру? Спала что ли?

– Никак нет, батюшка, – пришла на выручку Глафира. – По надобности ходила.

– А-а, так бы и сказала. Надобность нужно удовлетворять, – сказал больше себе уходя бургомистр, и вышел из дому.

Выйдя на улицу, Его Превосходительство поздоровался с дворником.

– Здравия желаю, Ваше Сиятельство! – дворник Пантелеймон почтительно снял картуз*.

– Здоров, Пантелеймон!

Его Превосходительство был прост в обращении с народом, помня о своих корнях.

– Здравия желаю, Ваше Превосходительство! – вторил дворнику Фёдор, услужливо распахивая скрипучую дверцу дилижанса.

– Здоров, Фёдор! Что дверца то поскрипывает? Ты её салом смажь, салом. Поди к Глафирке, скажи сала треба смазать. И колёса посмотри. Не ровен час скрипеть начнут, конфуза не оберёшься. Ну, поехали, с богом!

Кучер сел на передок, дёрнул вожжи и застоявшиеся рысаки понеслись по улице. Начался новый день в череде прочих.

Глава II

Итак, мой дорогой читатель, надеюсь, я тебя не утомил неважным началом дня для нашего главного героя? Нет? Тогда слушай.

Приехав на службу, Иван Ильич первым делом осведомился у секретаря, нет ли срочных дел к нему. Поскольку таковых не нашлось, он запросил прессу. «Ведомости» он просматривал первым делом, ибо обязан был быть в курсе всех последних событий города. Вот и на этот раз, секретарь принёс ему стопку свежих газет, пахших типографской краской. Наверху лежали «Губернские Ведомости», затем «Московские Ведомости»*, которые он любил читать особо из-за пикантных подробностей скандалов, время от времени сотрясающих московское дворянское общество. «Столичную Жизнь» он просматривал последней, ибо она была наискучнейшей газетой, где разве что уголовная хроника оживляла страницы. Закончив с прессой, он принимал доклад полицмейстера* о наиболее значительных происшествиях за прошедшие сутки и выпроводив его, начинал писать служебную записку в Департамент юстиции канцелярии Его Величества о происшествиях за минувшие сутки. Затем он открывал пюпитр, доставал сургуч, разогревал его и запечатывал конверт с письмом, прикладывая особую печать с двуглавым орлом в центре и надписью «Канцелярия Его Превосходительства» по кругу. По звонку приходил секретарь приёмной, и Илья Ильич отдавал ему письмо для доставки курьерской службой. Выполнив таким образом должностные обязанности по отношению к высокому начальству, он смотрел на часы и отправлялся в дом, который находился поблизости. Там располагался буфет, но не обычный, который торговал булками и слойками где-нибудь в людном месте, а нечто вроде закрытой закуской для служащих высокого звена. У двери заведения стоял приказчик и пропускал только тех, кого хорошо знал в лицо. Там можно было отведать чаю, и разную выпечку по утрам, а в обед подавали разносолы, которые были ничем не хуже ресторанов. Вот и на этот раз Иван Ильич зашёл в заведение, ответив на учтивое приветствие приказчика, заказал чаю, пару любимых ватрушек и слойку со смородиновой начинкой. Всего он пробыл там около двадцати минут и, расплатившись с буфетчиком, вернулся на службу. Когда часы показывали десять часов, у него наступал приём посетителей, который продолжался до обеда.

На этот раз первой вошла дама средних лет, урождённая Григорьева Тамара Павловна, ходатайствующая об открытии приюта для бездомных собак, коих развелось великое множество.

– Понимаете, я хочу сказать, что животные – это наши братья меньшие и по тому, как мы относимся к ним, Бог вправе судить о нас и нашем благочестии. Я могла бы возглавить приют за скромное возмещение; не подумайте только, что я пекусь за себя, чтобы устроиться потеплее, вовсе нет, я – вдова и получаю пенсию по потере кормильца, но я – христианка и не могу смотреть, как мучаются эти бедные твари – городские собаки и кошки, об устройстве последних даже не смею говорить. Они болеют, страдают от голода и холода зимой и претерпевают всяческие лишения, так неужели в казне не найдётся пары сотен рублей в год, чтобы дать им угол и пропитание?

– Милейшая, вы затронули большую тему не только для нашего города. Сие твари нуждаются в опеке. Я подумаю, что можно сделать. К сожалению, бюджет города узковат, но не всё так печально, есть благотворительные фонды... – затем помолчав и проникшись к переживаниям этой женщины, сказал:

– Вы приходите через две, нет через три недели, я дам вам ответ.

– Благодарю вас, господин градоначальник! Бог с вами, я буду верить, ибо сила его в нас пребывает! Посетительница поклонилась и вышла.

Следующим посетителем был мужчина средних лет, представившийся как мещанин* Панкратов Феофан. Сняв картуз, он поклонился и слегка волнуясь, начал:

– Ваше Превосходительство, я... словом по делу. У меня сын в армии. Третий год служит. Пишет, что нет больше сил терпеть побоев и зуботычин и просит меня, отца своего, избавить от этих мучений. Служит он в гренадёрском полку денщиком у одного офицера по фамилии Мавлютов. Придирается тот к нему, за всё цепляется, продыха не даёт, то сапоги не так вычищены, то бельё плохо поглажено, то здесь не то, и это не то и чуть что, сразу в морду бьёт. По первой огрызнулся мой Пашка на него, так он его отпороть велел словно скотину, трое суток лежал в лазарете. Просит меня ходатайствовать о переводе в другое место, потому как сам не может пожаловаться.

Иван Ильич, сам служивший рядовым и будучи хорошо осведомлён о нравах, царивших в русской армии, ответил:

– Хорошо. Я сделаю запрос в его часть. У вас письмо его с собой?

– Да.

– Дайте мне его.

– Вот пожалуйста.

– Так... адрес есть. Я сделаю запрос командиру части и возьму это дело лично на контроль. О дальнейшем ходе дела вы получите письмо из канцелярии. Можете быть свободны.

– Благодарствую, Ваше Превосходительство, век помнить буду!

Мужчина отвесил поклон и вышел.

Следующим посетителем был мужичонка в поношенном армяке*, с бородой и обветренным лицом, покрытым сетью мелких морщин. Он поклонился при входе, держа в руках грешневик*, затем, прежде чем сесть потоптался, поклонился и сел.

– Слушаю вас.

– Я, так сказать по надобности пришёл, Иван Ильич.

Бургомистр удивлённо посмотрел на посетителя, так как по имени – отчеству его звали только в не служебной обстановке.

Стремясь рассеять удивление градоначальника, проситель пояснил:

– Я знавал вашего отца, Илья Степановича. Много лет работал у него ещё с мальчишеских пор. Да. Царство ему Небесное! Хороший был человек. А теперь вот кучером работаю у одного помещика. Может, слышали, Абрикосов фамилия?

– Как же, слышал, фамилия известная.

– Ну так вон. Помещик этот оказался лютым бабником. Жена у него есть, да две дочери. Всё чин чинарём. Но на поверку оказалось, что портит он девок своих, кто в услужение попадают. Супруга его ничего не знает, и он им всё велел никому не жаловаться, иначе говорит «выброшу из дома, как щенят сучьих», – так дословно слова передаю его. Те плачут, а он пользуется положением их. Тябает то одну, то другую. А девоньки все молоденькие, все как на подбор, с шестнадцати лет из деревни в свой городской дом привёл. Одна плачет в сенях, так я и узнал. А дома в деревне сами знаете чего. Родители рады не будють. В их понимании дочь в достатке живёт, работа не в поле, подай – принеси и только. Помой и вытри. Как быть то, Иван Ильич? Знаю вас, наслышан, великодушный человек, в обиду не дадите.

Его Превосходительство откинулся на спинку стула, вздохнул и сказал следующее:

– Ты... как тебя величать?

– Фома.

– Ты Фома ступай назад и скажи девонькам, чтоб молчали, язык за зубами держали и терпели. Такова их доля, раз попали в полон, словно птицы в клетку. Я подумаю, что можно сделать. Дело деликатное, знаешь. Я подумаю. Ступай. И больше не приходи. А в деревне им и правда, делать нечего. Про меня им ничего не говори. Между нами пусть останется дело это. Жаловаться некому. Ни прокурору, никому. Никто за них не вступится. – Затем вздохнул, посмотрел на часы, выпрямился. – А я что-нибудь придумаю. Иди. Ступай.

Мужичок встал, отвесил поклон и вышел.

Часы показывали без пятнадцати одиннадцать, Иван Ильич встал из-за стола, потянулся и подошёл к окну.

За окном стояло лето, одно из череды похожих. «Пройдёт июль, а там август и осень недолго», – подумал он. Его размышления прервал стук в дверь. Затем дверь отворилась.

– Ваше Превосходительство, можно ли?

– Да, проходите!

Обернувшись, Иван Ильич увидел вошедшую даму, хорошо одетую и в шляпе.

– Присаживайтесь, – сам он сел напротив. – Что вас привело ко мне в столь ранний час? – позволил он себе пошутить, зная о привычке господских жён раньше обеда не выходить из дому и не принимать гостей.

– Ах, Ваше Превосходительство, если б вы знали, на что приходится идти нам, жёнам прославленных офицеров, убиенных на полях сражений ради Отчизны! Выслушайте же меня пожалуйста.

– Да, да, пожалуйста.

– Я, вдова известного в определённых кругах поручика Ледановского. Он служил в Семнадцатом Гвардейском полку, который участвовал в сражениях с Бонапартом.

– Кто, ваш муж?

– Нет, полк.

– Ах, простите, ну-те-с, продолжайте.

– Мой муж тогда был слишком молод, и мы были ещё не знакомы. Он служил на Кавказе близ Мариуполя.

– Позвольте, госпожа...

– Мадам Ледановская.

– Хорошо, мадам Ледановская. Позволю заметить, что Мариуполь – это не Кавказ. Ну да ладно, что с ним стряслось?

– С кем?

– С вашим мужем. Вы ведь за него пришли просить?

– Вовсе нет. Мой муж упокоился с Богом, Царство ему Небесное, во веки веков, аминь, – она перекрестилась, закатив глаза.

Я пришла просить за себя.

– Ах, вот как, простите, я вас внимательно слушаю.

– Мой муж был боевым офицером и награждён орденами... эти башибузуки снесли ему голову, – она всхлипнула и достала розовый шёлковый платок с эпиграммой в углу, вышитой красными нитками «О.А.»

– Ольга Александровна?

Вдова кивнула, вытерла слезинку и положила платок обратно в ридикуль*.

– Это он подарил?

Она отрицательно покачала головой, её лицо покраснело, и она снова достала платок. Справившись с чувствами, она продолжила.

– Меня вот такая нужда привела к вам. Моя мама, Евпраксия Петровна, достигнув преклонного возраста восьмидесяти шести лет умерла, не далее как на Ильин день. Похоронив её, я справила оградку на могилке, всё честь по чести. Но не далее, как вчера пришла на кладбище, и увидела, что могила её разрыта варварски, крест вытащили и отброшен в сторону, а гроб исчез.

– Как исчез?

– Не знаю, могила пуста.

– Вы обращались к уряднику?

– Да, конечно, я сразу отправилась к нему.

– И что он сказал?

– Сказал, что примет все меры к поиску гроба с телом моей покойной матушки, но при этом намекнул, что дело это трудное и надеяться на благоприятный исход не стоит.

– Так и сказал?

– Так и сказал. Поэтому сегодня я пошла к вам. Может, вы посодействуете.

Наступила пауза.

– Хорошо, Ольга Александровна. Я поговорю с урядником. Разыщем вашу матушку.

– Я говорю, что за нехристи у нас завелись? Может цыгане?

– Не думаю. Я поговорю с урядником, и сделаем запрос в полицейское управление. Найдём эту шайку. А сторож что?

Вдова покачала головой.

– Хорошо, можете идти. Это дело я возьму на заметку. Оставьте у секретаря свой адрес, где проживаете, мы свяжемся с вами в случае чего.

– Благодарствую, отец наш! – вдова вдруг расчувствовалась, поклонилась и вытирая платком намокшие веки, вышла из кабинета.

Следующей посетительницей была молодая женщина, тоже мещанка двадцати трёх лет, урождённая Прокофьева Мария Сергеевна. Её вид говорил о великой нужде: поношенное платье, истрёпанное в нескольких местах, да истоптанные туфли, купленные за грош у старьевщика подчёркивали безрадостную картину её бытия. Вышедшая замуж в восемнадцать лет и родившая троих детей, она осталась без кормильца и пришла просить подаяния.

Она стояла, опустив голову, обвязанную бесцветным платком, опустив руки с распухшими от стирки пальцами, сжав бескровные губы на исхудавшем бледном лице и молча просила, просила за своих детишек, которых не на что было обуть и одеть, просила за свою судьбу горькую, что выпала ей, просила молча, шепча слова, едва различимые. Когда она закончила, Его Превосходительство вытащил из ящика стола коробку и открыл её. Там лежала стопка пятирублёвых купюр и немного мелочи. Он взял одну купюру и протянул ей:

– Возьми матушка, обновку купи себе и детям... терпи мать, терпи, жизнь на то и дана, чтобы сносить лишения, которые выпадут, ибо в конце пути тебя встретит Бог, который спросит: «Всё ли сделала, чтобы остаться человеком и не опуститься? Терпела ли судьбу, выпавшую на долю твою? Заботилась ли о детях по мере сил своих и возможностей? Чтила ли Бога своего или возносила хулу на него?» И когда ты ответишь на все его вопросы – «Да, Бог мой, чтила тебя и терпела лишения и стойко сносила всё, что выпало на долю мою и не пала духом вконец и детей подняла», тогда Бог впустит тебя в Царство Божье и отдохнёшь ты в радости там от невзгод земных и возрадуется душа твоя в жизни вечной, которая в награду будет тебе дана. Так что ступай, живи, трудись и в церковь ходи, ходи не забывай. Ступай.

– Благодарствую покорно, батюшка!

Женщина подняла на градоначальника свои светлые голубые глаза, подошла к нему и припала к его руке. Затем молча, вдруг устыдившись, быстро ушла.

Иван Ильич взволновался от слов своих и поступка женщины, встал из-за стола, подошёл к окну и стал думать о судьбах людей, о том, какие они разные...

Глава III

Наступило время обеда и, несмотря на то, что посетителей было несколько человек, господин градоначальник прекратил приём, вышел из кабинета и направился к экипажу, который в это время всегда ждал его у крыльца управы. Сев в него, он отправился домой.

В это самое время жена его – Марья Дмитриевна, приводила себя в порядок, сидя перед зеркалом французской работы, которое подарил ей папенька по случаю свадьбы. Оно было овальной формы и вставлено в резной багет ручной работы, покрытый позолотой, как требовала мода и парижский стиль помпезного ампира. Хозяйка была горда собой; в её подчинении находилось около пятисот душ крепостных крестьян в имении, доставшемся от матушки – дворянки, отчего она имела солидный ежегодный доход, который не тратила, а рачительно вкладывала в ценные бумаги и облигации. Муж её тоже был весьма состоятельным человеком: помимо жалования бургомистра он имел долю в торговых оборотах своего брата, унаследовавшего дело своего отца-купца.

Марья Дмитриевна была всем довольна кроме одного – душа её страдала от бездетности. Думая о муже, она думала о детях, которых у неё нет и, скорее всего не будет. Ей минуло сорок лет и на лице её стали проступать признаки увядания: маленькие морщинки под веками после дурно проведённой ночи, складочки на шее, которые можно спрятать под воротник платья; всё это говорило о том, что её женский век подходит к концу, а наследников всё нет и нет. Однако это обстоятельство сильно не тревожило её, ибо натура у неё была непоседливая и верила она, что «если Бог захочет, то даст ей ребёночка, если не от мужа, то от кого?» Эти мысли порой посещали её в такие часы, когда она осматривала своё лицо и натирала его кремами, присланными из Франции подругой, с коей училась в консерватории и жившей под Парижем со своим мужем Анри.

Она присылала ей длинные письма, где рассказывала про свою жизнь там, – про нравы, моду и погоду, приглашая к себе в гости, на что Марья Дмитриевна всегда отвечала, что муж занят на государственной службе, а одной ей ехать не с руки. Та отвечала:

«Неужто у тебя нет любовника? Здесь, во Франции у каждой приличной дамы есть любовник, а то и два. Адюльтер, как явление воспринимается терпимо. Мужья имеют любовниц, а жёны любовников. Внешне всё благопристойно и репутация не страдает. Нельзя же жить всю жизнь с одним человеком, зная, что он не подарит тебе счастья, которое может дать хоть на время пылкий и страстный возлюбленный, какой-нибудь красавец молодой офицер или художник, к которому ты обратилась написать свой портрет. Ты посуди, какое наслаждение получаешь от этих ухаживаний, скрытых намёков и вздохов, тайных писем и коротких встреч! Попробуй, Мари, и ты не пожалеешь».

Читая эти письма, жена градоначальника, воспитанная строгой матерью в православных традициях приходила вначале в замешательство, затем привыкнув, стала даже шутить по этому поводу. Однажды она написала такое:

«Ma chere Helene!* Ты пишешь об амурных увлечениях так, словно сама всё распробовала. Ты скажи мне, верной жене, как потом смотреть в глаза мужу своему? Ведь грех этот покроем пятном позора душу мою и для искупления потребуем много. Если у тебя есть подобный опыт, то скажи, как ты смотришь в глаза мужу своему или вы с ним не разговариваете вовсе? Он делает своё дело во тьме ночной, словно преступник, а ты терпишь? Ради чего? Ответь».

* * *

Ma chere Marie! Пишу тебе со всей откровенностью. Да, у меня есть любовник, приятный молодой человек двадцати восьми лет, художник, живущий своими скромными заработками на Монмартре, каких полно там. Но он мне понравился как своими манерами, так

и внешностью. А что касается работ, то они великолепные! Я заказала ему два портрета для меня и моей Софочки. Он настоящий душка и что с того, что я изменяю Анри? У замужней дамы моего положения и возраста обязательно должен быть любовник, иначе со скуки пропадёшь! Неужто ты думаешь, что можно жить счастливо в браке, составленном не по любви изначально? Если бы во Франции, да и в России наверное тоже браки составлялись по любви, тогда где бы жила я и где бы жила ты? В трущобах Парижа с молодым неизвестным художником или чего хуже музыкантом? Или с разорившимся дворянином, ушедшим в армию? Чего ради, скажи? Неужто ты думаешь, что счастлива со своим Иваном Ильичом? Подумай хорошенько, mon coeur *, и дай мне ответ.

Твоя Элен

* * *

Ma chere Helene! Получила твоё письмо и чуть не расплакалась. Ты права всё-таки. Мы выходим замуж вовсе не по велению сердца, а скорее по велению рассудка. Несмотря на то, что у нас всё есть, и мы ни в чём не нуждаемся, у нас нет лишь одного: радости совместного проживания. Бог не дал нам детей и наверное не даст, и это из-за того, что не испытывали мы влечения друг к другу с самого начала, ибо тятенька мой выдал меня замуж за «благопристойного и воспитанного человека, – героя войны и кавалера серебряной и бронзовой медали участника Отечественной войны» и это мне тогда, юной и неопытной девушке казалось вполне достаточным для составления счастья! А как иначе могло быть? Мы с детства втиснуты в рамки дозволенности и приличий, нам внушают одно, а на деле выходит другое. Я полностью согласна с тобой теперь, что нужно ловить своё счастье, пока наши годы совсем не ушли. Мне сорок лет и я могу ещё постичь радость, пусть недолго! Я буду жить теперь для себя одной, хватит унылой жизни, я открываю свой салон, буду приглашать туда известных в городе мужчин, слывающих в литературных и иных кругах знатоками, я буду петь и танцевать, веселиться до упаду и возможно найду кого-нибудь из них, кто мне понравится и кто доставит мне радость от сближения! Дорогая Элен, благодарю тебя, сердечная! Всегда твоя подруга Мари.

Таким образом, мы видим, что Марья Дмитриевна в одночасье изменила своим казалось бы стойким и непоколебимым убеждениям, которые закладывались в её голову вместе с воспитанием – религиозным и социальным и, встретив на пути жизни несоответствия, её разум вдруг осознал всю никчемность её существования, всю безрадостность и ошибочность. Это настолько сокрушило её, что первое время ходила сама не своя, забыв даже бранить служанку. Она сосредоточено думала, размышляла, прогуливаясь одна в городском парке, сидя на скамейке под сенью развесистых клёнов и лип и думала, что прозрение наконец наступило и пора начать действовать.

До этого момента она жила совершенно незаметной для публики жизнью. Вставала в десятом часу, затем одевалась и шла к завтраку. Потом наряжалась во всё лучшее и выходила из дому, гуляя до обеда, как говаривала – «нагуливала аппетит». Она могла зайти в магазин готового платья, или просто пройтись пешком по улице до самого парка и гулять по его тенистым дорожкам встречая знакомых.

Иногда кто-нибудь из знакомых приглашал её на обед, но это происходило чаще в воскресные дни и приглашали обязательно с мужем. В ответ она обязана была пригласить эту пару и этим заканчивались их светские встречи. Н... ск, как многие губернские города того времени был небольшим городом, насчитывающим от силы семьдесят тысяч человек и кроме драматического театра пойти практически было некуда. Оставались книги, которые она охотно покупала и составляла ими семейную библиотеку. Однако читала сама их редко, полагаясь целиком на мнение мужа, который не пропускал ни одну, читая их по вечерам. Она же музицировала и пела, однако Иван Ильич был совершенно равнодушен как к музыке, так и к её пению. Так и протекала их супружеская жизнь, вполне благополучная внешне, но совершенно невыноси-

мая изнутри. Иван Ильич же пребывал в благодушном настроении, словно всё, чего он стремился получить от женщины, было получено, и нисколько не заботился ни о чём больше.

Таким образом, предпосылки к внезапному решению имелись, только были спрятаны и погребены в глубине её сознания, и как только она обратила на это внимание и всесторонне рассмотрела, действительность её жизни повергла её в ужас.

«Что мне делать, что мне делать», – бывало, спрашивала она себя бессонными ночами, всё ещё колеблясь принять окончательное решение. Воспитанная строгой матерью – набожной женщиной, она не сразу приняла решение, но когда оно было принято, все сомнения исчезли, и Марья Дмитриевна сказала себе: «Всё, я буду с этого дня жить так, как хочу, и никто меня не осудит, даже Бог. Да и есть ли он? Если есть, то поймёт меня и не осудит».

Таким образом, благовоспитанная женщина пришла к выводу занять любовника. Но где его взять? Безусловно, не из круга общих знакомых мужа, с коими они общались. Тогда откуда? И подумав хорошенько, она начала претворять свой план в жизнь.

Первым делом она завела знакомство с руководителем труппы местного драматического театра. Представившись, спросила его, нуждается ли труппа в реквизите или другой помощи, потому как «деньги у меня есть и я как поклонница театрального и вообще сценического искусства, могла бы посодействовать в этом вопросе».

– Премного благодарен, – ответил антрепренёр* труппы, – нам, безусловно, не лишним будет принять от вас этот дар, так как мы, в отличие от государственных театров существуем исключительно на сборы от спектаклей и пожертвования граждан.

– Сколько вы намерены пожертвовать?

– Я думаю, 1000 рублей* будет достаточно?

Когда антрепренёр услышал эту сумму, лоб его вспотел, равно как и ладони.

– Пожалуй, да. Но...

Марья Дмитриевна нахмурилась.

– Нет, не подумайте... это очень, очень большая сумма, премного благодарен! – и, взяв ручку барыни, он трепетно её поцеловал. С тех пор Марья Дмитриевна стала полновластной хозяйкой сердца этого господина и могла приходить на репетиции и спектакли в качестве особо почётного гостя, за коим была закреплена отдельная ложа.

Глава IV

«Вещь странная», – подумал Иван Ильич, отбирая понравившийся кусок запечённой с яблоками утки. Стоял воскресный день, Его Превосходительство пребывал в благодушном настроении, а Марья Дмитриевна запаздывала к обеду, что ничуть не трогало его. Он отдавался во время уединения сокровенным мыслям и думал о том, как ему провести сегодняшний день.

Внимание его привлекла Анфиса, одевшая новый нарядный передник с вышивкой по случаю воскресного дня.

– Анфиса!

– Ась?

– Подь сюда.

Девушка подошла, смущённо опустив глаза. Её лицо всегда привлекало Ивана Ильича. Вот и сейчас он смотрел на неё и пытался обнаружить что-то особенное. Вы стояли когда-нибудь возле тихой заводи? Вы видите, как спокойна гладь воды, затем на неё падает лист и медленно плывёт, относимый слабым течением, затем появляются кручи на поверхности и это уже другое спокойствие, отмеченное вмешательством обитателей глубин. Вдруг внезапный порыв ветра подхватывает листок и уносит его, бросая охапку других, и рябью покрывается поверхность реки, и вы видите, что она живая. Вот и сейчас, он смотрел на девушку, на её лицо и видел, как меняется внутри её лицо, которое внешне остаётся спокойным. Это его заинтересовало. Выждав паузу, он начал:

– Анфиса, я хотел спросить тебя, давно ли ты в деревне была?

Мамку с тятенькой хочешь увидеть?

– Да, – пролепетала та, и по еле заметному волнению он понял, что девушка рада.

– Тогда поди сейчас на базар и купи себе чего-нибудь и родителям подарки. – Он достал из кармана сюртука пятирублевую ассигнацию и протянул её девушке. – Затем возвращайся и мы вместе с тобой поедem в деревню. Пока ты с родителями свидишься, я хозяйство женино посмотрю. А вечером обратно. Ну как, согласна?

– Как же не согласною быть!

Девушка встрепенулась и вся горя от счастья, чуть ли не подпрыгнула. Яркий румянец залил её щеки, и она бросала восторженный взгляд то на купюру в руке, то на Ивана Ильича.

– Ну ступай, только не задерживайся. И деньги спрячь получше, смотри, чтобы не обманули! И Фёдора позови, пусть ко мне явится.

Пока Иван Ильич допивал чай, распоряжение было отдано, и кучер стал готовить экипаж к поездке.

* * *

Воскресный базар в N... ске представлял собой пёстрое и незабываемое зрелище. Рано утром, а то и вечером прибывали телеги, подводы и шарабаны из окрестных деревень и уездов на базарную площадь, под который был отведён большой пустырь, занимавший огромную площадь. Здесь же осенью и весной проводились ярмарки, на которое стекалось неисчислимое количество народа. Кого только здесь не было! Балаганы с матрёшками и наряженными фокусниками, жонглёрами, гимнастами, показывающие короткие кукольные сценки прямо на виду зевак и снующей по рядам публики – почтенной и простого люда, торопящегося найти товар подешевле и опустошить свои кошельки, равно как и зазывалы, стремящиеся заманить покупателя к себе.

– Курочки жареные, курочки, подходи, не стесняйся, на пятак бери, на рупь выгода!

Всюду толкался народ с самого утра, останавливаясь возле понравившегося товара, выбирая, прицениваясь и торгуясь, стараясь сбить цену, отчего в этом месте возникал затор и про-

ворные мальчишки успевали стырить с прилавка где-то пряник, а где-то леденец и сунуть его в рот, смакуя и радуясь.

– Смотри, смотри, утащил, держи! Держи!

В этот момент, пользуясь, что продавец отвлекся, другой пострел хватал бублик и сигал в толпу. Море людское волновалось и гудело, везде шёл торг, гоготали гуси, крякали утки, кудахтали куры в птичьем ряду, а Анфиса, зажав в руке пятирублёвку, шла по рядам, высматривая себе новую одежду, да матери с сестрой подарок.

Она первый раз была на таком базаре и растерялась поначалу, но быстро освоившись и спросив у кого-то, где торгуют галантереей, направилась туда.

– Возьми платок, милая, смотри какой хороший, – бойкая торговка тут же развернула платок с красивым узором, на котором была изображена жар-птица и накинула его на плечи девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.